

Макс НЕВОЛОШИН

Макс Неволошин родился в Самаре. Работал учителем средней школы; после защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Публиковался в «Новом журнале», «Топосе», «Дружбе народов» и др. Автор двух сборников рассказов: «Шла шаша по соше» (2015) и «Срез» (2018). С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В «Волге» печатался рассказ «Уходишь – счастливо, приходишь – привет» (2016, № 7-8).

НЕ НРАВИТСЯ – ВАЛИ

Рассказ

А славно бы увидеть Москву глазами иностранного туриста, какого-нибудь доброго, рассеянного шведа. Без провинциальных комплексов, без эмигрантской оглядки... Или глазами местного долгожителя, наблюдателя, созерцателя. Чуть не сказал «коренного москвича» – тухлая фраза, даже слово «прописка» звучит веселее. Я всегда был здесь по делам, жил здесь по делам. Первый вагон из центра и сразу налево. Бег с препятствиями из ненужных людей, чтобы отловить искомым. Людей вокруг меня образовалось чересчур. Некоторым я был что-то должен, остальные – должны мне, и требовалось срочно с них это получить.

Думал: получу своё, выдохну и осмотрюсь. Москва лет восемь оставалась функцией, ступенькой. Перешагнул и осмотрелся – но уже в другом месте. Жаль, а что поделаешь? Столица понаехавшим не друг. Явился завоёвывать Париж – оперируй шпагой, а не глазей по сторонам. Нет, кремль я видел. И мавзолей, включая содержимое. И большой театр, включая изнутри. Регулярно эскортировал туда заморских гостей. У меня был лучший и единственный на кафедре английский. А также, по мнению начальства, избыток свободного времени. Как сказано гением, балеты долго я терпел.

Я не люблю работать вообще, и с людьми – особенно. Такая работа помимо других неудобств выключает меня из контекста. Посетив десятки интересных мест, я ни черта не видел, кроме лиц в аудитории и бухгалтерии. В Москве есть нюанс: сложное, не всегда уловимое ощущение, что ты здесь шпион. Из него потом вырастает мысль об эмиграции.

Москва – вэдээнха эпохи эсэсэра. Город – сноб, витрина, китч. Улицы имперской ширины, архитектура в стиле «поздний Джугашвили». В теплом бензиновом смоге на десяти полосах звереют авто. Сверху давит угрюмое небо. В пространство въелся запах фанты, горячих собак, хрустящих денег... Можно притвориться, что это твоя жизнь. Можно даже часть её купить и заблеть от самодовольства. Только этот город избалован, капризен. Он не любит выскочек. У него другие планы. Засунь под хвост свои купюры и амбиции. Ты сюда не принадлежишь. Тебя пустили посмотреть.

Дорогие москвичи и гости столицы... Не друзья, товарищи, сограждане, а гости и хозяева. Москве важна определённость. Потому что отдельные шустрые гости норовят задержаться. Праздник кончился, а они все ещё тут. И уже неясно, в качестве кого. Цветные штаны не прокатят, штаны сейчас у всех одинаковые. И остальное тоже: лица, походка, речь... Вместе толкаемся в разные стороны, шмыгаем под землю и обратно. Но если у метро проверят документы, выявляется существенная разница. Многие уедут дальше. А тебя уведут куда следует. Трудно остаться собой. Лицо, одежда – ерунда, главное – беспечный взгляд. Именно его читают физиономисты у метро. Взгляд обязан излучать уверенность в том, что ты поедешь дальше. И слово «обезьянник» знаешь только по кино.

Про обезьянник расскажу. Но вначале о достоинстве самарской прописки. У неё, как выяснилось, есть одно достоинство. Однажды меня взяли на гоп-стоп. Дело было на автовокзале, ст. м. Щелковская, первый вагон из центра, из стеклянных дверей налево. На мне стандарт: кожаный верх, джинсовый низ, сумка adidas – типичный фраер ушастый. Купил билет, закурил, углубился в себя... Чувствую движение сбоку. Слышу:

– Брат, угости сигареткой.

Сунул руку в карман, а вынуть не могу, перехватили. И вторую ломают за спину. Я даже испугаться не успел. Только что был один, и уже нас трое.

– Давай-ка отойдём, поговорим.

Утолкали за ларёк, там ещё двое без особых примет. Среднего роста, плечистые, крепкие. Нежно извлекают паспорт, кошелёк. Граждане озабоченно спешат мимо. Вокзальный секьюрити нам кивнул.

Кошелёк должен был их огорчить, а паспорт – наоборот. За обложкой – сложенная вдвое купюра с Эндрю Джексонем. Дяденька полицейский, возьми меня. Этим маловато, но шанс уйти здоровым.

– Паспорт хоть отдайте, – говорю.

Старший полистал мою книжицу.

– Ты из Самары, что ли?

– Ну.

– Держи.

Отдают имущество, хлопают по спине.

– Вали, братан. Повезло тебе сегодня.

Запоздалый потный страх, мягкость в ногах, тошнота... Реакции организма, не успевшего за темпом событий. Меня грабили. Что-то пошло не так. Дважды проверил – всё на месте. Кошелёк, билет, сигареты, паспорт... Эндрю с удивлённой половиной лица... Что это был за сюр? Что за полёт шмеля вокруг гранаты?! Вечером звоню сообразительному другу.

– Это наши, казанские гопники, – объяснил друг, – их территория.

– Ты-то откуда знаешь?

– Бывшие ученики, восьмой «г». Видел их там пару раз. У них правило: земляков не трогать.

Двадцать баксов из паспорта могли взять трижды. Следующим был мент в переходе у вокзалов. Сытый, добродушный, непохожий на мента. Почему из сотен людей он выбрал меня? Этот вопрос не даёт мне покоя. Что во мне не так? Обычное

лицо славянской национальности. Финский пуховик, сделанный в Китае. Норковая шапка из котика. Сумка большевата, так вокзалы же. Каждый второй с баулом.

– Регистрации нет, угум... Когда приехал?

– Только что.

– Ну-ну... Билет есть?

– Оставил у проводника. Мне он ни к чему.

– Разумеется... Цель прибытия?

– Осмотр достопримечательностей.

– Где будешь жить?

– У родственников в Кучино.

– Кто автор «Болеро» Равеля?

– Э-мм...

– Расслабься, я шучу. А это что? Взятка?

– Где? Аа... не, заначка. На всякий случай.

– Ладно. На регистрацию – трое суток. И билет чтобы всегда. Ясно?

Он вернул паспорт. Я не выдержал.

– Можно вопрос? Почему ты меня остановил? Что во мне подозрительного?

Мент ненадолго завис.

– Опыт, интуиция... – произнёс он наконец. – У тебя сумка большая. И лицо такое, знаешь... Будто ты задумал...

– Теракт, – подсказал я.

– Вот что, умник, – его добродушие вмиг исчезло, – пройдем-ка в отделение...

– Не надо в отделение, – испугался я, – глупо вышло. Извини.

Вот значит как. Задумчивое лицо стало подозрительным. Исправим. Кстати, размышлял я тогда над статьёй для «Вопросов психологии». Конкретно оттачивал следующую мысль. «В общем виде, главной целью развитой когнитивной системы является прогнозирование будущего».

Вскоре я полностью слился с толпой. На моей уличной физиономии закрепилось выражение лёгкого слабоумия. Иногда, вернувшись домой, я забывал его снять, за что подвергался насмешкам жены. Надевать дебила приходилось часто – работал я в семи местах. Читал лекции в двух университетах. Халтурил консультантом в пяти детсадах. Вёл договорные курсы в банках, страховых компаниях, центрах профориентации. Даже, как ни странно, в Зеленоградском РОВД. Психология была в моде, работа валялась под ногами. За ужином я выключался, не доев.

Москва охотно забирала наши силы, но отказывала в статусе легальных душ. Мы были людьми вне сорта. Наше бытие вызывало сомнения. Заболей мы – не станут лечить. Пропади – не кинутся искать. Жалобы, претензии? Вали, страна большая. Тема регистрации печальна и скучна. Но как мне избежать её? Как обойти тему жилья? Я пересматриваю образы Москвы, в голове тихо кликает слайд-проектор. Сейчас увижу что-нибудь изящное. Романтическое, возвышенное, как мини-юбки летом на Тверской. Чистые пруды, застенчивые ивы, переулки Арбата... Но упираюсь лбом в бетонную конструкцию. Работа, регистрация, жильё. За неубитую однушку хотели ежемесячно двести баксов плюс. Раз в полгода, обновляя договор, хозяева накидывали чирик. Не нравится – вали. Я понял, что такое классовая ненависть. Это когда твоя жизнь напоминает бег за фальшивым зайцем, собачий ипподром. Ты конвертируешь её в зеленые бумажки и скармливаешь жадным паразитам. Этот город меня потихоньку съедал.

Ресентимент... – поморщится какой-нибудь эстет. К людям надо помягше и на вопросы смотреть ширше. Так смотрите. Кого я оскорбил? Своих работодателей? Никоим образом, а мог бы. Ментов? Безосновательно – менты встречались разные. Но все мои лендлорды были редкие жлобы. Не знаю, как там власть, а халява развращает абсолютно.

Помню бодрую тётушку, владелицу жилья на улице Расплетина. Лицо простое, будто кукиш. Обыкновенно суетлива, возбуждена получением денег.

– Ребятки, не заплатите вперёд? За месяц или два. Присмотрела телек «Сони Тринитрон». Красавец, большущий такой, диагональ – семьдесят! Надо брать, пока скидки...

– Так у нас столько нет.

– Ну, давайте сколько есть. Давайте, давайте! Забегу ещё к одним жильцам, недалеко. Может, они выручат.

Господи, – думаю, – за что ты подарил ей три квартиры? За какие свершения и подвиги? Мне, кандидату грёбанных наук, – ни одной, а ей – три. Если это сообщение для меня, выразишься пояснее.

Ещё был алкоголик Николай, сдавал пенал в хрущёвке на Филях. Сам где-то обитал на иждивении матери, деньги за квартиру пропивал. И ему, понятно, не хватало. Слишком тонка грань между опохмелиться и закрепить успех. Поговорить на эту тему Николай любил со мной. Пару раз в месяц ему удавалось застать меня дома.

– Макс, такое дело... У тебя не будет... сам понимаешь... взаймы?

Николай чешет кадык. Я вынимаю деньги. Через полчаса хозяин возвращается с бутылкой.

– Твоя дома? Давай махнём по рюмке.

– Слушай, – говорю, – вообще-то я работаю...

– Работа не волк, по сто – и я убёг. Не могу один, как ханыга.

Сперва я по наивности решил, что это в счёт квартплаты. Ты занял, я вычел, правильно? Неправильно.

– Я с вас по-божески беру, – обиделся Николай, – такая квартира дороже стоит. Мне знающие люди сказали: продешевил ты, Коль, продешевил. Такая квартира – двести пятьдесят самое малое...

Бог заговорил со мной о регистрации, хозяевах и жизненном пути в неподходящей обстановке. Или в самой подходящей – ему видней. Есть гипотеза о том, что навязчивые мысли сбываются. Якобы мы задаём себе цель. Четыре года я боялся попасть в обезьянник. Четыре года (и потом ещё двадцать) бегал от ментов в ночных кошмарах по тоннелям и эскалаторам. И вот я здесь, в набитой аутсайдерами клетке Бабушкинского РОВД. Запах блевотины и хлорки выедаёт глаза. Ещё пахнет мочой, бомжами, страхом, но это общий фон.

Как мя поймали? *Cherchez la femme*. Со мной на кафедре работала Татьяна Анастасьева. По документам – русская, москвичка. А по фейсу – что угодно от вокзальной гадалки до Пенелопы Круз. Уместно смотрелась бы на корриде, верблюде, стамбульском базаре. Однажды, смеясь, рассказала историю. На улице пристали

цыгане. Балаболили по-своему, одна схватила за руку. Татьяна вырвалась, брезгливо оттолкнула. «Пхагэл тут одэл! – крикнул цыганка. – Давно, коза, из табора отмылась?!»

На Бабушкинской мы читали курс «Стресс учителей и методы его преодоления». Я – бывший учитель, Татьяна – бывший методист. Кто мог лучше раскрыть эту тему? Раскрыли, двинулись к метро. Я не хотел идти с Татьяной, её часто останавливали. Броская внешность, цветастая шаль, менты тоже скучают...

– Молодые люди, документы предъявляем.

Меховой зверёк из пяти букв шевельнулся в животе.

– Так-та-ак... Вы, девушка, свободны, а ты – пойдёшь с нами.

Паспорт исчезает в недрах серого бушлата.

– Куда?

– В зоопарк. Пошли, чего стоим!

– Я тоже пойду! – Татьяна пристроилась рядом. – Ребят, отпустите, ну в чём проблема? Человек в командировке, нас люди ждут...

– Где временная регистрация? Командировочное, билет?

– Нету, – говорю, – так вышло...

– Значит, посидишь до выяснения.

Я вспомнил про двадцать баксов.

– Командир, может, договоримся? У меня штраф в паспорте, за обложкой.

Менты переглянулись.

– В следующий раз.

– Не повезло тебе, земляк. У нас план не выполнен, и смена кончается.

Идём сквозь мини-рынок. Группа чеченцев шумит у ларька. Татьяна вновь заговорила:

– Мы же свои, русские люди! Вон – их проверьте, и будет вам план.

– Ошибаетесь, девушка, – старший качнул головой, – они все с регистрацией.

В РОВД били двоих. Сначала одного – гуманизатором по рёбрам, затем второго – ногами. Менты тут были злые, красномордые, усталые. Я сразу понял, как себя вести – молча. Да. Нет. Готов заплатить штраф. «Заплатишь, – сказали мне, – потом». Забрали сигареты, кошелек, толкнули в обезьянник. Внутри тесно стоял народ. Многие кашляли. Кто-то вполголоса матерился. Кто-то долго и трудно блевал. Хотелось скомкаться, не дышать, в идеале – стать мыслью.

Миллионы безвинных людей отсидели в лагерях. Позорно жалеть себя, и всё-таки... Конец двадцатого века. Почти цивилизованная страна. Трезвый человек идёт с работы – его бросают в клетку. За что? Государство считает меня недостойным витрины. «Место!» – командует оно и похлопывает дубинкой о ладонь...

– А не послать ли это государство на хер? – произнесли над ухом. Голос привёл в движение ряд смутных образов. Пыль, сдуваемая с грампластинки. Тикающий часовой механизм. Липкий шелест фотоальбома... Я зачем-то оглянулся и сказал:

– Давно пора, но... страшно. Опять всё с нуля. Ты бы вытащил меня отсюда, Господи.

– Сами отпустят. Я по другому вопросу. И оставь эту архаику, называй меня...

– Высший разум?

– Фу, как пошло. Голос вселенной.

Я хотел сострить, но промолчал. Он догадался.

– Слушай и не перебивай. Ты говоришь: «за что?», «несправедливо», «разные стартовые позиции». Ты ноешь: кому-то – много, бесплатно и сразу, а тебе – остатки, втридорога и потом...

– Я такого не говорил.

– Молчать! Запомни: важно не имманентное, а трансцендентное. Не то что дано, а как использовать. Попытка сделать рывок, качественный скачок из одного мира в другой. Привилегия нескольких жизней. Шанс узнать, человек ты или мох. В этом – твой смысл. Завтра едешь в австралийское посольство. Потом – в новозеландское. Берёшь анкеты, формы, списки документов. Решаешь, куда проще отвалить. Затем – нотариус, подтвердить квалификацию, сдать языковой тест. Канителью, дорого, но выполнимо. Готов?

Я кивнул. Тотчас лязгнул засов, решётка в новую жизнь отворилась.

– Неволошин! На выход.